

Э. Х. Петросян

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В АРМЯНСКОМ НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Армянский народный театр интересовал многих этнографов и искусствоведов. О нем писали Е. Лалаян, А. Аршаруни, Срб. Лисициан, В. Бдоян и др.¹ В настоящее время существует ряд публикаций материалов об армянском народном театре. Однако исчерпывающих записей народных представлений всех этнографических районов Армении до сих пор нет.

Задача настоящей статьи — ввести в научный оборот новые полные материалы, собранные в 1964—1970 гг.

В районах городов Маку, Хой, Салмаст, Султанабад, Исфахан, Ван, Мокс, Тигранакерт, Муш, Алашкерт, Дилижан, Кировакан нами записаны театрализованные представления с ряжением козлом, медведем, верблюдом, обезьяной. В каждом таком представлении главным действующим лицом являлось одно из названных животных. Число участников таких сенок колебалось от одного до трех.

Ряжение козлом

Этот вид ряжения бытовал в Армении повсеместно в конце XIX — начале XX в. Представление разыгрывалось на рождество, масленицу, в первый день великого поста и на свадьбах. Оно носило пантомимно-плясовой характер и шло под инструментальное (зурна, барабан), изредка вокальное сопровождение. Характерными его особенностями были отсутствие развернутого сюжета и краткость словесного текста.

На рождество молодежь разбивалась на небольшие группы, в составе которых были музыканты, ряженный козлом и его «свита». Эти группы ходили по домам с поздравлением. Перед каждым домом процессия останавливалась, «козел» плясал шуточный танец под рождественские песни, ходил на четвереньках, смешно помахивал «хвостом» и позванивал бубенцами. Молодежь требовала у хозяев продуктов для «козла» — масло, яйца, муку. Получив их, ряженный благословлял семейный очаг и всех членов семьи. Хозяева верили в силу его благословения и всячески старались задобрить «козла» подарками. Ряжение на рождество носило традиционный обрядовый характер.

На масленицу театрализованные представления с ряжением разыгрывались в помещении, где собирались плясать (как правило, это был

¹ Срб. Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. I, Ереван, 1958; т. II, Ереван, 1972; А. Аршаруни, Армянские народные театральные игры, Ереван, 1961; В. Бдоян, Армянские народные игры, Ереван, 1963, и др.

хлев). Несколько мужчин заранее наряжали кого-либо козлом. Затем один из них входил в комнату, где плясали, и провозглашал: «Довольно играть на зурне! Пришел козел!» Вслед за этим появлялся ряженный (часто на четвереньках). Он плясал, подражал повадкам козла, блеял, бодал зрителей, набрасывался на женщин, притворялся умершим и, наконец, «воскресал», получив соответствующее вознаграждение (выкуп). Иногда во время представления ряженный размахивал палкой, в ряде районов он разглядывал присутствующих в трубу (например, в Исфагане).

В некоторых районах масленичное представление начиналось иначе. Ряженный козлом незаметно проникал в комнату и присоединялся к пляшущим, становясь в конце ряда. Затем он старался привлечь всеобщее внимание своими смешными выходками. В первый день великого поста разыгрывалась сценка, аналогичная масленичной.

На свадьбах было принято разыгрывать представления, где действующими лицами выступали и люди, и животные. «Козел» столпой пляшущих ряженных встречал новобрачных у порога дома жениха и благословлял их вместе с родными, желая им большого потомства и хорошего урожая. Ряженный козлом участвовал также в коллективных свадебных плясках в конце ряда. Он смешно прыгал, высоко поднимая ноги, перебегал от одного танцора к другому, разъединяя цепь пляшущих. Только во время обрядовых плясок ряженный козлом вел себя тихо, солидно.

Костюм «козла» во всех районах почти одинаков. На голову ряженному надевали высокую конусообразную шапку из козьей шкуры с пришитыми к ней бутафорскими рогами, сделанными из материи². Шапку надевали на глаза, и свисающая с нее шерсть закрывала верхнюю часть лица. Иногда, если шапка была достаточно велика, ее натягивали до подбородка, делая прорези для глаз и носа. Таким путем получалась объемная маска (Султанабад, Исфахан). Порой на обматываемое сажей лицо накладывалась черная «борода», которую прикрепляли с помощью ниток. «Бородой» служила полоска, вырезанная из шкуры козла, длиной около 5 см и шириной 3 см.

В некоторых селах Алашкерта, Хнуса, Мокса на «козла» надевали маску из шкуры черного козленка с коротким волосом.

Ряженный козлом носил длинный, свисающий до пят балахон из двух сшитых черных шкур с отверстиями для рук, а под ним — рубашку темного цвета. Поясом служила веревка, сплетенная из козьего волоса или свясла. На ногах у «козла» были лапти, на руках — кожаные варежки, вывернутые мехом наружу. На шею ему вешали колокольчик. Кроме того, к одежде на груди, спине, на поясе прикрепляли маленькие бубенцы, которые позванивали в такт движениям. В ряде районов в костюм ряженных входила коса с привязанным к серпу колокольчиком (Дилижан, Алашкерт), в других — посох. Сольная пляска «козла» исполнялась с металлическими «стаканчиками» на указательных и больших пальцах обеих рук (Султанабад, Исфахан). Иногда на шею ему вешали подзорную трубу.

В некоторых районах ряженный козлом во время представления ходил только на четвереньках. Поэтому ему просто накидывали на спину козлиную шкуру, закрепляя ее поясом, чтобы она не сползла. К хвосту «козла» привязывали колокольчик и бечевку, проходившую под животом. Когда ряженный хотел изобразить «помахивание хвостом», он дергал конец бечевки.

² Интересный вариант ряжения записан от репатриантки из Ирана Я. Мандинян (совхоз Кирова, Арагатский район). К голове ряженного привязывали два серпа так, чтобы их рукоятки вертикально упирались в плечи. Потом на голову надевали конусообразный колпак, сшитый из козьей шкуры, надвигая его на лицо как маску. Серпы, изображавшие рога, продевались в два специально сделанных на колпаке отверстия.

На первый взгляд представление, где главную роль играл ряженный козлом, не что иное, как сценка для увеселения. Однако анализ показывает, что это не так. Представление приурочивалось к специальным дням, когда совершались обряды, связанные с «обеспечением» плодородия. Люди старались быть приветливыми с «козлом», дарили ему подарки, верили в его благословение. Они заботились о безопасности «козла», увешивали ряженого бубенцами, которые, как и вывернутая мехом наружу шкура, по поверью, отгоняли злых духов. Истоки театрализованных представлений с ряжением козлом восходят к былым тотемическим представлениям, связанным с культом животных.

Самые ранние свидетельства о бытовании этого театрализованного действия у армян относятся к XIII в. Так, на титульном листе Евангелия 1260 г., оформленного в Ромкле выдающимся армянским художником Торосом Рослиным, изображены два ряженных. Первый в маске козла, в короткой тунике и башмаках. В правой руке у него серп, в левой — ветка. Второй в маске быка и в плаще, концы которого перекинуты через плечи назад. Позы ряженных настолько динамичны, что вся сцена производит впечатление пантомимного диалога.

В рукописи 1262 г., оформленной тем же художником, опять встречается миниатюра с изображением ряженных козлом и быком. Оба исполнителя в масках, закрывающих рот, что указывает на отсутствие словесного текста в данном представлении. Положение рук и ног у этих фигур явно передает танцевальное движение.

Появление изображений ряженных в евангелиях связано, вероятно, с тем, что в средние века представления такого рода имели ритуальный характер, хотя нельзя исключить предположение о наличии в них и некоторых светских мотивов.

Известные пока изображения ряженных козлом (козой) у армян немногочисленны. Однако большое число обнаруженных учеными рисунков коз и козлов, относящихся к большому отрезку времени, начиная с эпохи палеолита до раннего средневековья, свидетельствует о широком бытовании здесь культа животных. Поэтому естественно предположить, что культовые театральные представления существовали и ранее XIII в.

Ныне этот вид ряжения не бытует ни в одном районе Армении. Материал записан по воспоминаниям старшего поколения.

Ряжение медведем

Нами записано несколько вариантов представлений с ряжением медведем, бытовавших в конце XIX — начале XX в. В них обычно участвовало от двух до пяти мужчин. Главный персонаж этих сенок — «медведь», второстепенные — «поводырь», музыканты. Во всех районах в основе представления лежал единый сюжет — выступление «дресированного медведя». «Медведь» подражал человеку: плясал, играл на музыкальном инструменте, похищал девушку, ласкал ее, притворялся умершим, воскресал и т. д. Круг тем был практически неограничен. Как правило, представление носило импровизационный характер, но заканчивалось оно всегда одинаково — «медведь» «умирал», «воскресал», а затем плясал.

Приемы ряжения медведем почти во всех районах Западной Армении были идентичными. «Поводырь» надевал старую одежду, вывороченную наизнанку шапку, лицо обмазывал мукой, прикреплял накладные бороду, брови и усы из шерсти. В руке у него была палка. Чтобы никто его не узнал, он менял не только внешний облик, но и голос. Музыканты специально не рядились. Они только обмазывали лицо мукой, накладывали бороду, усы и брови.

«Медведь» с головы до ног облачался в медвежью или овечью шкуру темного цвета. На месте глаз, рта, носа делались небольшие прорезы. Вместо языка пришивался красный лоскут. На руки ряженный надевал варежки, а ноги обматывал шерстью или шкурами, скрепляя их веревкой.

«Поводырь» тянул «медведя» за веревку, завязанную на шее. По ходу действия «поводырь» давал «медведю» музыкальные инструменты (струнные или ударные) и заставлял его играть на них.

Интересный вариант ряжения медведем бытовал в Алашкерте³. Торс, ноги, руки юноши обматывали веревкой, сделанной из гибкой болотной травы (свяслом). На голову надевали объемную маску из овечьей шкуры. Нос «медведю» делали так: снизу под маску подкладывали тряпье, а снаружи обматывали его бечевкой. В маске прорезались отверстия для глаз и рта. У прорези рта прикрепляли небольшой красный лоскуток — «язык медведя». На шею ряженному накидывали веревку, сплетенную из козьей шерсти. Такой способ ряжения встречался лишь в нескольких селах Алашкертского района.

Интересно отметить, что в Польше так же рядились «новогодние деды». Армяне были издавна связаны с поляками. Армянские колонии во Львове и Каменец-Подольске существовали еще с XVI в. Купцы из Карса и Алашкерта в конце XIX в. были частыми гостями в Варшаве. Не исключено, что кто-то завез в далекое алашкертское село Мазра этот не характерный для армян способ ряжения, вытеснивший местный.

Театрализованные представления, пляски и обряды с участием ряженого медведем, «медвежьи» праздники различных народов достаточно освещены в научной литературе. Все исследователи сходятся во мнении, что в ряжении медведем прослеживаются традиции обрядов промыслового культа, а также тотемических представлений, связанных с почитанием предков и культом плодородия⁴. Остановимся лишь на некоторых чертах, характерных для обычая ряжения медведем, которые подтверждают это предположение. У армян сцены с участием ряженого медведем разыгрывались только на масленицу и на свадьбах и не имели никакого отношения к охоте. Их организаторы — женатые мужчины (характерная черта посвяжительных обрядов). «Медведя» не боялись: допускали вступление его в связь с женщиной (отголосок идеи священного брака с божеством). Во всех представлениях обязательно воспроизводилась сцена «смерти» и «воскресения» «медведя», что свойственно древним тотемическим церемониям. Все эти традиционные элементы продержались в армянском народном театре вплоть до начала XX в.

В этнографических источниках XIX в. и более ранних нет сведений о ряжении медведем, видимо, потому, что народным театральным действиям тогда не придавалось серьезного значения. Однако об этом обычае можно судить по армянским миниатюрам XII—XIV вв.

В Евангелии XII в. на полях нарисован обнаженный человек в маске медведя и с кубком в руке. На титульном листе Евангелия 1329 г. изображена сцена из вокально-плясового представления, где один ряженный медведем играет на струнном музыкальном инструменте и, видимо, поет, а другой пляшет с яблоком в руке.

Более ранних данных о ряжении медведем у нас пока нет. Однако и тех, которые имеются, вполне достаточно, чтобы говорить о длительном бытовании этого персонажа в театрализованных обрядовых действиях, исполняемых на масленицу и на свадьбах.

³ Сообщено в 1970 г. М. Степаняном, родившимся в 1906 г. в с. Мазра Алашкертской губернии, ныне жителем сел. Тайтан Арагатского района.

⁴ Подробно см. З. П. Соколова, Культ животных в религиях, М., 1972, стр. 63—85.

Полевые материалы, собранные от бывших жителей Западной Армении, указывают, что ряжение верблюдом было распространено в бассейне озера Ван и прилегающих областях. Нами выявлено три основных варианта этого вида представления, также разыгрывавшегося на масленицу и на свадьбах.

Первый вариант. В представлении участвовали три ряженных: «погонщик», «верблюд» и «верблюдица». «Верблюд» и «верблюдица» ласкали друг друга, целовались, плясали, смеша своими выходками зрителей.

Второй вариант. Действующие лица — «погонщик» и «верблюд». «Погонщик» тянул «верблюда» на веревке в комнату, где собирались гости. В некоторых селах «погонщик» въезжал в помещение на «верблюде». «Животное» упрямылось, останавливалось, а «хозяин» ругался. Затем «верблюд» плясал, ходил по комнате, пугал взрослых и детей, толкал их, приставал к старухам, ложился на пол и притворялся умершим. «Погонщик» требовал подарков, чтобы «оживить» или выгнать «верблюда». Получив их, он заставлял «верблюда» встать и сплясать. Потом оба прощались со зрителями и уходили.

Третий вариант. Действующие лица — «погонщик», «верблюд», «купец». Содержание сцены: в комнату, где пляшут собравшиеся гости, въезжал на «верблюде» «купец». «Погонщик» шел впереди и тянул «верблюда» за веревку. «Купец» представлялся старосте села и просил разрешение на «торговлю»; затем он раскладывал «товары». Начинаясь «торговля». Зрители, шутливо торгуясь и перебраниваясь, скупали тряпье, изношенную обувь и прочее старье, изображавшее рулоны ситца, роскошную обувь, украшения. Представление заканчивалось пляской «верблюда».

Сравнив все варианты, можно заметить, что в первых двух главный персонаж — «верблюд», в третьем — «купец». Нам кажется, что последний вариант сложился позднее, когда первоначальное значение ряжения уже было забыто.

Несколько слов о костюмах исполнителей. «Погонщик», как правило, надевал старье, вывернутую наизнанку шапку, лицо мазал мукой, прикреплял накладные брови, бороду и усы. «Купец» был одет как богатый горожанин. Способов ряжения «верблюдом» в Армении существовало два. В первом случае «верблюда» изображал один юноша, прижимавший полусогнутое положение. В поднятых вверх руках он держал серп. Руки и серп обматывали тряпьем. Серп изображал голову «верблюда». Уши делались из кусочков кожи, глаза — из цветных лоскутков; на месте рта прикреплялась белая полоска ткани. На спину юноше ставили корзинку, которая служила «горбом». Сверху на него накидывали длинное покрывало, закрывавшее голову и торс. Ряженный обычно обувал лапти, но они не были видны из-под покрывала. Сзади к костюму пришивали хвост буйвола или быка. На голову «верблюду» накидывали уздечку, а на шею вешали колокольчик.

Второй способ ряжения, при котором «верблюда» изображали двое юношей, имел два варианта.

1. Юноши становились в затылок друг другу на расстоянии двух шагов и принимали полусогнутое положение. Второй юноша клал руки на талию первому, державшему в руках серп, обмотанный тряпьем, изображавший голову «верблюда». Две привязанные к серпу ложки служили ушами. Глаза и рот отмечались нашитыми лоскутами или бузинками. На шею «верблюду» надевали уздечку и привешивали колокольчик. Каждому исполнителю на спину привязывали по подушке или маленькой табуретке — два «горба», соединявшиеся неширокой перекладной. Сверху на них набрасывали покрывало. Между «горбами» помещали подушку, на которую садился «купец».

2. Двое юношей становились в затылок друг другу на расстоянии двух-трех шагов таким образом, чтобы на их плечи можно было положить носилки. В руках первого был серп (иногда топор, большая воронка). Далее все делалось так же, как и в первом варианте. Головы юношей, торчавшие под покрывалом, служили «горбами» «верблюда». На подушке между «горбами» восседал «купец».

Во всех сценах большую роль играл текст, который произносил «погонщик». Он отдавал различные приказания, подолгу жаловался зрителям на непокорное «животное». В представлении с участием «купца» одной из центральных была сцена торга; наиболее остроумные и находчивые из зрителей вступали в диалог с «купцом».

Музыкальное сопровождение было одним из важнейших компонентов представления, в котором обычно участвовало трио музыкантов (две зурны и барабан). В случае отсутствия музыкантов «верблюды» плясали под пение «погонщика» и вторивших ему зрителей.

Определить давность традиции ряжения верблюдом довольно трудно. В нашем распоряжении имеется материал лишь конца XIX — начала XX в., указывающий на почти повсеместное распространение описанных сенок в тот период. Известно, что в Западной Армении верблюды издавна использовались как тягловые животные и даже входили в состав Урартского войска⁵. Между тем в армянском изобразительном искусстве разных периодов (в частности, в орнаментике средних веков) нигде не встречается изображение верблюда. Может быть, ряжение верблюдом сложилось в поздние времена по аналогии с ряжением козлом, обезьяной, медведем либо было заимствовано у тюркских народов⁶.

Ряжение обезьяной

Обезьяной рядились на масленицу и на свадьбах во всех упомянутых выше районах. В представлении участвовало два действующих лица: «обезьяна» и «поводырь». По приказу «поводыря» «обезьяна» плясала, кувыркалась, прыгала, подражала различным трудовым процессам, характерным для домашнего и сельского хозяйства, пыталась обнять кого-нибудь из женщин, отбивала ритм на бубне, «умирала» и «воскресала».

Ряженому «обезьяной» на голову натягивали бурдюк из-под сыра, надевали платье, сшитое из овечьих шкур. На руках у него были перчатки, а на ногах — лапти. Ряженого подпоясывали веревкой или свяслом. Сзади к его одежде пришивался красный лоскут и высушенный хвост коровы или буйвола. Лицо гримировали мукой или сажей. «Поводырь» был в старье и низко надвинутой на глаза шапке, с накладными усами и бородой, чтобы никто из присутствующих не мог узнать его.

Данные информаторов о ряжении обезьяной относятся к концу XIX в. Но есть и более ранние свидетельства, содержащиеся в средневековых армянских рукописях. На титульных листах и на полях евангелий встречаются многочисленные миниатюры с изображениями дрессированных обезьян либо ряженных обезьяной. В евангелиях XIII—XVII вв. их можно насчитать свыше 100. Можно выделить несколько групп таких изображений: 1) обезьяны с горящей свечой или факелом; 2) обезьяны со свечой и яблоком; 3) обезьяны с поясом в конусообразном колпаке со свечой; 4) обезьяны-жонглеры. Рукописи с подобными миниатюрами относятся к различным культурным центрам, отдаленным друг от друга: Дразарку, Ромкле, Маназкерт, Апаунику, Гладзору, Хизану, Ортабазару, Константинополю, Кафе (Крым, Феодосия).

⁵ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959.

⁶ Н. Нурджанов, Таджикский народный театр, М., 1956, стр. 101, 102.

Обезьяны поклонялись во многих странах мира. В Египте павиан считался священным животным бога письма Тота⁷. Павианов почитали также в связи с культом солнца. «Памятники показывают, что дрессированные обезьяны участвовали в различных религиозно-драматических представлениях и что, с другой стороны, в таких представлениях участвовали и жрецы, одетые обезьянами и исполнявшие соответствующие мифологические роли»⁸.

В Армении обезьян не было. По всей вероятности, в глубокой древности их привозили как дикушку, содержали в царских зверинцах, водили на показ. Сейчас трудно установить, когда армяне стали почитать обезьяну как священное животное, но традиционное ряжение обезьяной на масленицу и во время свадеб существовало вплоть до начала XX в.

Мы считаем, что изображения обезьян и их магических атрибутов — свечи (символ мужского плодородия), яблока (женское плодородие), бубенцов на поясе (отпугивание звоном злых духов), культовой шапки-конуса, жонглирования плодами (магия заклинания роста) в священном писании — Евангелии не только служили декоративным оформлением рукописи, но и отражали бытующие театрализованные обрядовые действия. Эти миниатюры проливают свет на былую сущность сценки с ряженым обезьяной, записанной нами совсем недавно, но сложившейся в весьма отдаленные времена.

Театрализованные представления с ряжением животными дошли до нас, несомненно, в очень измененном виде. Информаторы утверждали, что эти сценки разыгрывались для развлечения присутствующих. Действительно, в словесном и пантомимно-плясовом тексте представления ярко проявился народный юмор. Часто в такие сценки вносились элементы социальной сатиры: высмеивались старосты, священники, богачи. Ряженные животными не имели словесного текста. Как правило, говорили «поводырь» или «купец». Диалог действующих лиц обычно состоял из словесного вопроса и ответа в пантомимно-плясовой форме. Текст часто был однотипен, носил несколько фамильярный характер и представлял собой импровизацию на заданный сюжет, однако с определенными началом и концом. Поскольку представление разыгрывалось ежегодно, то зрители хорошо знали его содержание. Иногда они даже вмешивались в ход действия и высказывали свои пожелания. Например, случалось, что кто-то просил, чтобы «обезьяна» показала, как невестка бьет свекровь, и тогда ряженный нападал на кого-либо из зрителей. Таким образом, стиралась грань между зрителем и исполнителем, что обычно характерно для народного театра.

Так как текст представления был традиционным, репетиции почти не устраивались, участники обычно сговаривались только относительно некоторых сцен. Специального драматурга и режиссера также не существовало. Успех представления зависел от способностей исполнителей, их находчивости и остроумия. Экономической заинтересованности у «актеров» не было. Они ежегодно выступали безвозмездно.

Все представления шли под инструментальное либо вокальное сопровождение. Песню обычно запевали «поводырь» или «погонщик», а зрители им подпевали. Почти в каждом районе были специальные мелодии и песенки, которые исполнялись только во время ряжения; они назывались «Мелодия для игры в медведя (верблюда, обезьяну)».

Народные представления, записанные нами, позволяют утверждать, что, хотя образ животного и предшествовал в «театре» образу челове-

⁷ М. Э. М а т ь е, Древнеегипетские мифы, М., 1956, стр. 163.

⁸ Там же.

ка⁹, у армян в ряде случаев так и не произошло полной антропоморфизации животных — персонажей народного театра. Этим, видимо, объясняется господство пантомимно-плясового элемента над словесным текстом, что вообще характерно для архаичных форм театра. Это в какой-то мере свидетельствует также о живучести дохристианских магических обрядов уже после принятия армянским народом христианства, что подтверждается и другими материалами.

Несмотря на значительную трансформацию, в разных сценах с ряжением проступают былые культовые элементы. Так, в них, как и в старинных зоомистериях, главное действующее лицо — животное. В описанных представлениях имеется уподобление тотему, оно передается как в натуралистических приемах ряжения (облачение в шкуры), так и в передаче плясовой повадки животного.

Все информаторы подчеркивали обрядовое значение ряжения, и хотя не очень верили в его магическую силу; однако считали, что рядиться необходимо. Более того, важное значение придавалось «благословению козла» на рождество. Поэтому его встречали приветливо и старались задобрить подарками. Здесь прослеживается реминисценция веры в сверхъестественную силу животного и стремление установить с ним контакты, приобрести его расположение, помощь, покровительство¹⁰.

Характерно, что народные представления с ряжением были приурочены только к рождеству, масленице, первому дню великого поста, свадьбам, в основе обрядности которых, как известно, лежала идея «обеспечения» плодородия животного и растительного мира.

Сведения о ряжении животными, собранные воедино, могут помочь реконструировать некоторые элементы духовной культуры армян в отдаленные времена.

⁹ Е. М. Мелетинский, Первобытные истоки словесного искусства, в сб. «Ранние формы искусства», М., 1972, стр. 152.

¹⁰ Подробно см. Л. Я. Штернберг, Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936, стр. 387—395.